

A woman with dark hair in a braid, wearing a red dress and black eye coverings, stands in a field of purple flowers. She is holding a wicker basket containing a large, hairy tarantula and some purple flowers.

АННА ДАНИЛОВА

**ТАРАНТЕЛЛА ИЛИ
ТАНЦЫ С ПАУКАМИ**

Поцелуй тарантула и закрой
глаза...

Анна Данилова

**Тарантелла, или Танцы
с пауками. Поцелуй
тарантула и закрой глаза...**

«Издательские решения»

Данилова А.

Тарантелла, или Танцы с пауками. Поцелуй тарантула и закрой глаза... / А. Данилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835873-9

Пианистка Наталья Орехова, обладающая способностью «видеть» преступления, оказывается на похоронах подруги, умершей от неизвестного недуга. Почему все ее тело в синяках? Почему стерты пятки? Новые жертвы — девушки, найденные в красных итальянских юбках, тоже мертвы... Такое впечатление, будто бы кто-то затанцевал их до смерти...

ISBN 978-5-44-835873-9

© Данилова А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Тарантелла, или Танцы с пауками Поцелуй тарантула и закрой глаза...

Анна Данилова

© Анна Данилова, 2016

ISBN 978-5-4483-5873-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Люся Романова

Двадцать седьмого декабря в музыкальной школе был праздничный концерт. Дети, разряженные кто во что горазд, выходили на сцену и пели разученные накануне куплеты про новый Год, Деда Мороза и Снегурочку. В зале сидели их родители и с умилением смотрели на выступления своих чад. Наталия же никак не могла дожидаться конца праздника, то и дело поглядывала на часы и откровенно скучала. Те полгода, что она проработала в школе, дались ей, можно сказать, кровью и потом. Она сказала Бланш, что уходит из школы, потому что у нее нет больше сил мучать ни в чем неповинных детей, что куда больше пользы было бы в туристической поездке в Зальцбург, с детьми, чтобы там, бродя по чистым, вымощенным булыжным старинным улочкам, по которым ходил Моцарт, рассказывать о его жизни и творчестве... Бланш смотрела на нее как на юрловую и усмехалась. «Деточка, ты улетила из реального мира чуть больше двух лет назад... Вот когда вернешься на землю, тогда и поговорим о Моцарте и прочих... А сейчас ты просто чувствуешь приближение Нового Года... Тебя тянет в город за покупками, за елкой и конфетами... В сущности, ты еще ребенок... С наступающим тебя...»

Елизавета Максимовна Бланш как раз и являлась посредником между небом и землей в жизни Наталии Ореховой. И, как ей казалось, эта строгая и умная женщина, которая, наверно, и сама не помнила, сколько ей лет, одна из немногих понимала тоску Наталии. «Ты не можешь стоять на месте и десятки раз повторять одни и те же вещи... Тебе нужно развитие, разнообразие, контрасты... Но не забывай, в каком мире ты живешь. Согласна, иногда даже полезно отступать от правил, но ты летишь... Слышишь меня, Наташа? ЛЕТИШЬ...»

Бланш не знала истинных причин несоответствия образа жизни Наталии и того установившегося жизненного уклада, которого придерживалось окружающее ее общество. Она не знала о ее чудесном и очень странном даре, позволявшем ее окунаться в самые низшие слои этого же самого общества и, можно сказать, пачкаться в крови его жертв. Видения, которые посещали молодую преподавательницу сольфеджио и музыкальной литературы, Наталью Валерьевну Орехову, в момент музицирования на своем рояле, всегда тем или иным образом были связаны с преступлениями. Невидимые информационные или какие либо другие нити связывали ее подсознание с готовящимися или уже свершившимися убийствами, помогая ей лучше ориентироваться в сути вещей и, в конечном итоге, в раскрытии преступлений. Ее любовник, прокурор города Игорь Валентинович Логинов, с которым она жила под одной крышей в ее квартире и с которым, формально, находилась в гражданском браке, не раз пользовался ее помощью, но так до конца и не понял принципа ее работы. Он вообще многого о ней не знал. Честный и исполнительный, бесстрашный и неподкупный Логинов вызывал у Наталии подчас усмешку вместо восхищения. Его альтруизм не знал границ. Наталия же, в отличие от него, научившись у своей приятельницы, Сары Кауфман (директрисы косметического салона «Кристина») делать деньги с помощью своего дара, открыла для себя новую жизнь. Деньги, которые она зарабатывала вполне честным путем, отыскивая по заказу своих немногочисленных, но богатых клиентов, нужных им людей или предугадывая какие-то важные события в их жизни, наполнили ее жизнь совершенно новым смыслом. Свободу – вот что дали ей деньги. Логинов, ничего не зная о ее второй, скрытой от его глаз жизни Наталии, любил ее и радовался, что у него есть такая оригинальная и веселая женщина, которая, к тому же еще, Бог знает каким способом помогает ему в раскрытии наиболее сложных криминальных дел. Даже когда в ее квартире появилась домработница Соня, он воспринял это как должное. По сути, они и жили втроем. И, в то же время, каждый сам по себе...

Она с легким сердцем выпорхнула из школы и открыла дверцу своего новенького красного «форда». Свой сиреневый опель, она продала потому, что на улице стояли двадцатипятиградусные морозы, и ей показалось, что в «форде» красного, горячего цвета, ей станет как-то теплее... Кроме того, она всегда мечтала именно об этой марке и теперь не могла дожидаться конца всех мероприятий, чтобы поскорее сесть в чудесный, обитый черным велюром салон, включить музыку и раствориться в своей и только СВОЕЙ жизни.

Логинов обещал привезти елку, значит, надо было срочно решать вопрос с елочными игрушками. Кроме того, она собиралась сделать ему подарок. Белоснежный норвежский, с синим орнаментом, свитер был бы ему очень кстати. Думая о свитере и о том, как бы сделать новогоднюю ночь веселой и запоминающейся, она остановилась у магазина «Селена» и вдруг на какую-то минуту почувствовав себя необычайно счастливой, легко взбежала на высокое крыльцо, снег на котором переливался всеми цветами радуги от бегающих разноцветных праздничных огоньков. В магазине было на этот раз многолюдно: все готовились к Новому Году.

Второй любовник Наталии, Валентин Жуков, которого она в силу определенных обстоятельств и сексуальных игр называла «Жестянщиком», получит в подарок точно такой же свитер. И, прочем, точно такого же размера. Вот только одеколоны она подарит им разные. Логинову – горьковатый, пряный аромат, что-нибудь из серии Ланком, а Валентину – что-то цитрусовое или яблочное, нежное, как и все в коллекции ароматов Ив Роше.

Ей упаковали свитера и одеколоны в разные, очень красивые пакеты и пожелали счастливого Нового Года.

– Да я приду к вам еще несколько раз, – пообещала девушкам-продавщицам Наталия. – Должна же я и себе что-нибудь подарить. Ведь я-то у себя одна.

Отъезжая от «Селены», она вспоминала, как примеряла здесь всего лишь неделю тому назад все подряд, чтобы только вывести из себя одну из продавщиц, некую Хрусталеву... Но ее уже не было в живых. «Так, глядишь, все население города и исчезнет с лица земли. Столько убийств, столько ненормальных ходит вокруг...»

Она тряхнула головой, словно отбрасывая ненужные воспоминания и поехала за елочными игрушками.

Через полтора часа она поднималась, сгибаясь под тяжестью покупок к себе домой.

Соня, это слегка располневшее юное существо в белом спортивном костюме и розовом фартуке, плотно обтягивающем грудь, загадочно улыбалась, принимая из рук Наталии пакеты.

– Вы даже представить себе не можете, кто к вам пожаловал...

– Сара? Сергей? Кто?

Она, разуваясь и на ходу сбрасывая с себя шубу, прошла в гостинную и увидев сидящую на диване темноволосую девушку, не поверила своим глазам. Это была ее однокурсница по музыкальному училищу, Люся Романова, ее подруга, которую судьба занесла в далекую деревню Вязовку и от которой она вот уже года три как не получала ни одного письма, ни одной открытки.

– Люсенька, ты? – она бросилась ее обнимать и растрогалась настолько, что в глазах появились слезы. Она словно помолодела на эти несколько лет, которые разделяли ее студенческую пору жизни с настоящей, взрослой, к которой она еще так и не привыкла.

– Наташа, как я рада тебя видеть... Честное слово, ты хорошеешь с каждым разом все больше и больше... Ты просто леди, роскошная и изящная... А я – самый настоящий колхоз. Там, где я живу, просто невозможно сохранить себя... Ты понимаешь, о чем я... Это дыра, конец света, это отсутствие канализации, а, значит, и цивилизации... Это грязь осенью, снег по пояс зимой, жара и мухи летом и все такое прочее... Кроме того, там ни у кого нет денег... Зато самогон пьют прямо из молочных фляг...

– Как хорошо, что ты приехала... Ты напрасно не писала... Понимаешь, я была уверена, что ты там вышла замуж, нарожала детей и тебе теперь не до меня...

– Нет, замуж я не вышла и, наверно, ни за кого уже не выйду... Не за кого.

– Знаешь, оставайся здесь. Я сделаю все, чтобы ты хорошо устроилась... Место в музыкальной школе, считай, что есть... Я только сейчас сказала Бланш, что увольняюсь...

– Бланш? Это та самая завуч, которая... Она что, еще жива?

– Да, она у нас вечная. Главное, что она не потеряла ясность ума... Господи, Люся, я смотрю на тебя и мне до сих пор не верится, что это ты... Ты давно меня ждешь?

– Часа два. Пересмотрела все твои журналы... у нас такие и не привозят... Ты живешь в совершенно другом мире... Я так завидую тебе, Наталия...

– Главное, что ты не растолстела... Ну-ка, встань, я на тебя посмотрю... Отлично... Мы завтра же поедем с тобой по магазинам... – она перешла на шепот, – ты же многого обо мне не знаешь... Почти что ничего... Я живу с Игорем, одним хорошим человеком, он скоро должен придти, и тогда я вас познакомлю... Словом, я стала зарабатывать неплохие деньги и могу позволить сделать тебе подарок... Пожалуйста, не отказывайся... Ты себе представить не можешь, как я тебе рада...

– Ты хочешь сказать, что у вас музыканты получают больше, чем у нас

– Нет. Просто я организовала небольшой бизнес. – Она стала лихорадочно соображать, что бы такое придумать, чтобы Люся, приняв информацию, тотчас о ней забыла... Она считала лишним и преждевременным рассказывать даже самой близкой своей подруге о том, чем она занимается на самом деле. – Это касается ценных бумаг, акций...

– О! В этом я совершенно не разбираюсь... Но я рада за тебя.

Людмила Романова – гордость музыкальной школы, затем музыкального училища, красивая и утонченная девочка оказалась в какой-то там Вязовке! «Мне надо было раньше позаботиться о ней, а не тратить деньги на разную ерунду, вроде третьего норкового палантина... Человека загибается в этой дыре, живет среди алкоголиков, а я здесь с жиру бешусь...»

– Люда, сделаем так. Ты сейчас примешь ванну, затем я сделаю тебе прическу, помнишь, как раньше, а потом мы устроим праздничный ужин... Ведь ты приехала, а это просто здорово...

– А твой друг, Игорь, кажется... Как он воспримет мой приезд?

– Отлично. Кроме того, он привык, что ко мне постоянно кто-нибудь да приходит... – она прикусила губу. – Пойдем, я покажу тебе, где что и как пользоваться кранами, а то они у нас с секретом... Господи, какое счастье, что ты приехала! Это самый лучший подарок на Новый Год, какой только можно было себе представить...

Логинов пришел не в самом лучшем расположении духа, но увидев сияющую Наталию, понял, что через каких-нибудь полчаса от плохого настроения не останется и следа. Она умела привести его в чувство.

– Игорь, ко мне приехала Люда Романова, моя подружка по училищу, помнишь, я тебе рассказывала? Мы с Соней приготовили что-то очень вкусное... Да, фаршированные яйца и запекли раньше времени гуся. Я просто с ума схожу от радости... Ну, чего ты стоишь, как деревянный? Раздевайся скорее и мой руки... Все уже готово!

Логинов по-привычке схватился за ручку двери ванной комнаты, но Наталия расхохоталась:

– Боже, да там же Люся! Ты иди пока на кухню, там надо открыть несколько баночек... тебе Соня скажет... А я помогу Люсе... Люся, открой, я принесла тебе халат...

Открылась дверь, и она увидела обнаженную, затуманенную паром стройную фигурку своей подруги. Люся сделала движение в сторону полотенца, чтобы взять его в руки, и повернулась к Наталии спиной.

– Скажи, откуда у тебя этот странный кровоподтек? – спросила Наталия, едва касаясь пальцем иссиня-красного пятна на спине Люси, которые бывают от сильного удара, след, который может оставить что-то наподобие плети или прута.

– Да так, ерунда, ударилась, должно быть, обо что-то острое...

– Постой, – Наталия с силой развернула подругу к себе и увидела на плечах и даже на левой груди, возле соска точно такие же следы. – Хотя я, наверно, должна попросить у тебя прощения... Это же следы от поцелуев... А я уж было испугалась... Их еще называют засосами... Но вообще-то скажи своему мужчине, который тебе их понаделал, что это считается дурным тоном...

Люся, и так розовая от горячей ванны, покраснела, казалось, еще сильнее.

– Я не хотела тебе говорить сразу... Я и сейчас не знаю, как тебе это сказать... Но ведь я приехала к тебе не просто так... Наташа, мне страшно... Я должна с тобой поговорить. Я уже давно не сплю спокойно... Только об этом и думаю... Но сейчас там, за дверью кто-то ходит, должно быть, это твой друг... Сейчас мы поужинаем, а потом, умоляю тебя, выслушай меня внимательно. Если я сошла с ума, то только ты подскажешь мне, к какому врачу мне надо будет обратиться, я сделаю все, что ты мне скажешь... Только не бросай меня... Ты знаешь, у меня никого нет... Моя мать – я забыла тебе рассказать, – уехала на Украину с одним человеком... Я совсем одна и мне страшно...

– Успокойся... Чтобы с тобой ни случилось, знай, что я всегда на твоей стороне и рада помочь тебе.

– Я знала, что ты так скажешь... Спасибо, – она обняла Наталию, и та почувствовала, что тело девушки дрожит.

– Не переживай... Надевай халат и поскорее выходи... У меня есть отличное вино, сейчас мы выпьем, ты расслабишься... Словом, мы тебя ждем...

– Тебе понравилась Люся? – спросила Наталия Логинова, когда тот после ужина и множества тостов уgomонился в спальне, лег на кровать, закрыл глаза и начал погружаться в легкую блаженную дрему.

– Да, такое впечатление, словно ее долгое время держали в оранжерее, а потом выпустили на свет божий... Совершенно невинное и оторванное от реальной жизни существо... Никогда бы не подумал, что она живет в Вязовке и преподает музыкальную литературу и сольфеджио детям алкоголиков...

– А почему ты решил, что они дети алкоголиков?

– Да потому что в деревнях все пьют, а потому и дети рождаются умственно неполноценными...

– Игорь, разве можно так все обобщать?

– Считаю, что тебе повезло, что ты не жила в деревне... Хотя, если мне не изменяет память, не далее, чем прошлым летом ты ездила к своей родственнице в деревню... Не так ли?

Наталия покраснела. Она солгала Логинову, что была в деревне. Она то лето была в Германии... и не только... Но для Логинова гостила в деревне. «Все, проехали.»

– Ты сбил меня с мысли... Кажется, я спрашивала у тебя, понравилась ли тебе Люся?

– Хорошая девушка. Интеллигентная. Она приехала к тебе или вообще в город по делам?

– Еще не знаю... У нее что-то произошло, и ей понадобилась моя помощь. Ты спи, а я пойду к ней... Она ждет меня. Хорошо?

– Хорошо. Только возвращайся скорее...

Наталия на цыпочках вышла в коридор, зашла в гостинную, где на диване лежала Люся, укрытая теплым одеялом и пыталась смотреть телевизор.

– Все, я пришла. Как настроение? Нам удалось его немного поднять?

– Конечно... Я только хотела тебя спросить: что это за девушка, Соня? Она твоя родственница?

– Нет. Она помогает мне по хозяйству...

– Отлично. Ты молодец, Наташа. Я просто восхищаюсь твоим умением жить...

– Обо мне потом. Подвинься, я присяду рядом, – она, устроившись у стенки на диване, прикрыла ноги одеялом и приготовилась слушать. – Ты вот сидишь здесь, совсем рядом со мной, а мне все не верится, что это не сон...

– Ты спрашивала у меня, откуда у меня эти засосы? – вдруг спросила Люся. – Так вот: Я НЕ ЗНАЮ. Со мной стало что-то происходить... Понимаешь, я веду довольно замкнутый образ жизни. Кроме школы и дома (а мне дали однокомнатную квартиру в самом центре Вязовки), я навещаю иногда одну женщину, старую учительницу Зосю... У нее такое имя, потому что она наполовину полька... И все.

– Как это все? Ты хочешь сказать, что у тебя нет парня? Может, ты еще девственница?

– Тебе смешно? Но что ты скажешь, когда я тебе отвечу: НЕ ЗНАЮ. Я не знаю, девственница я или нет, потому что еще месяц тому назад точно была девственницей... У нас была комиссия, знаешь, как это называется: поголовная диспансеризация... Брали анализы, осматривали, для профилактики... Так вот, гинеколог еще пошутила, сказала, что я на всю Вязовку, наверно, одна девственница-то и осталась... Мы еще с ней посмеялись. Но месяц тому назад со мной стало происходить что-то странное... Однажды я проснулась и обнаружила, что губа моя вздулась, словно ее кто прокусил... И розовые пятна на груди, вот как те, что ты видела, только посветлее... Да и тело словно чужое. А еще... небольшое кровотечение...

– Ты обращалась к врачу?

– Да. Я пошла к нашему терапевту, который, правда, у нас и за хирурга, и гинеколога и все-все... Он осмотрел меня – очень вежливый мужчина – и сказал, что у меня все в порядке. Что это просто временная дисгармония, вызванная повышенным давлением. Прописал мне какие-то таблетки... Но дальше – хуже! Уже на следующий день я проснулась с ощущением, словно меня всю ночь пытали или, во всяком случае, ходили по мне ногами. Тело болело, губы горели, а на плечах появились новые пятна... Я снова пошла к доктору, спросила, может, это какая инфекция...

– Ну и что?

– Никакой инфекции. Он сказал, что это на нервной почве и снова выписал мне лекарства. И все прекратилось. Но прошло еще две недели и этот кошмар повторился... И тогда я не выдержала и приехала к тебе. Ты извини, что не предупредила тебя о своем приезде, но я до последней минуты не была уверена в том, что поеду... Я не знала, как тебе все это рассказать... Скажи, это звучит странно?

– Почему странно-то? Любая другая девушка на твоём месте повела себя таким же образом. Мне лично кажется, что все дело в твоей заторможенности. Ты не обижайся на меня, пожалуйста, но тебе уже давно пора жить нормальной половой жизнью. Природа требует свое. Ты согласна со мной? Разве тебе не снятся эротические сны?

– Снятся, конечно... Но все так неопределенно. Я не видела во сне ни одного знакомого мужчину. То приснится целая рота солдат, которые насилюют меня (и хотя я этих ощущений знать не могу, возбуждаюсь сильно), то снится больница, и какой-то человек хочет сделать мне операцию... И вот эти больничные запахи, этот гулкий и долгий коридор, по которому я иду, чтобы найти этого человека, который и должен сделать мне эту операцию, все это действует на меня тоже возбуждающе... Но пойми, Наташа, там, где я живу, даже отжаться-то некому! Я не шучу. Есть, конечно, молодые парни, но они либо алкоголики, либо слишком молодые... А женатые мужчины все какие-то немытые, мужики, словом...

– Я так и знала... Тебе надо срочно уезжать оттуда. Ты только дай мне свое согласие, и я помогу тебе...

- Но как?
- Я же сказала, попрошу Бланш устроить тебя на мое место, а сама подыщу тебе квартиру.
- Я не смогу оплачивать ее...
- Я тебе помогу. Вернее, мы с тобой что-нибудь придумаем. Здесь, в городе ты скорее сможешь себе найти мужа. Но только в этом я тебе не помощница... Я тебе такого насоветую, всю жизнь расхлебывать будешь...
- Ты себя, по-моему, недооцениваешь... Глядя на Игоря, такое не подумаешь. Он кто?
- А ты как думаешь?
- Да я вот весь вечер слушала его, смотрела, думала, что он хоть как-то проговориться о своей работе, но так ничего и не услышала.
- Да, это хорошее качество. Я знаю, некоторые люди только и говорят, что о своей работе...
- Так кто он?
- Прокурор.
- А если серьезно?
- Тогда клоун.
- Веселая ты, Наташа... Он кто, бизнесмен и тоже занимается акциями, как и ты?
- Он прокурор, Люся. Прокурор города.
- Такой молодой?
- Да. У него ужасная работа, поэтому надо только благодарить Бога за то, что Логинов не страдает манией величия и не заиклен на своей работе в том смысле, что лишний раз старается не говорить о ней...
- Кто бы мог подумать... Вот это мужчина!
- Между прочим, у него есть друг. Его зовут Сергей. Хороший парень, я бы вас познакомила, но это будет выглядеть как-то неестественно... Зато, и за него и за тебя я была бы уверена. Вы были бы прекрасной парой. Но знакомить вас не буду... Пусть все идет, как идет... Ты согласна со мной?
- Абсолютно. Знаешь, я вот сейчас с тобой поговорила, и мне как-то легче стало...
- Я, честно говоря, не могу себе представить, как ты там живешь... Да и вообще, какие у вас там развлечения?
- Никаких. Совершенно. А вообще-то в Вязовке в последнее время происходит что-то очень страшное... Осенью в лесу нашли нашу медсестру... Ее убили и закопали. Молодая, интересная девушка... Никто ничего не видел, никто ничего не знает... А спустя пару дней в пруду всплыли два трупа: поварихи Надьки Орешинной и шофера Аверьянова.
- Ну и ужасы ты рассказываешь... Давай лучше спать... Утро вечера мудренее... Хотя я и сейчас тебе скажу... Можешь, конечно, смеяться надо мной, но мне после твоих рассказов захотелось в Вязовку... Представляю, какая там тишина и как много снега... Я еще ничего не решила, но ты мне все-таки скажи: ты не будешь против, если я погощу у тебя? Насчет своих проблем – не переживай, я все устрою... Но деревня, Вязовка – это такая экзотика!
- Ты что, серьезно?
- Вполне. Но только после Нового Года. Вот поговорим завтра с Бланш, найдем тебе приличную квартиру и поедем... Я, заодно, помогу тебе собраться... А то ты так и останешься старой девой, а к пятидесяти годам, глядишь, отдашься какому-нибудь алкоголику-комбайнеру...

Глава 2

Красивая Люба

Андрей постучал в дверь и очень удивился, когда ему никто не открыл. В десять часов Люба всегда бывала дома.

Он обошел по скрипучему снегу дом и заглянул в окна: светятся, но никакого движения нет. Не видно теней за занавесками, не слышно Любиного смеха... А ведь дом заперт изнутри.

Вязовка спала. Люди здесь ложились спать рано.

Голубоватый снег, казалось, отражал самый нежный тон зимнего ночного неба, усыпанного звездами.

Но Андрей ничего этого не замечал. Он должен был непременно попасть в дом и убедиться в том, что Люба там одна.

Люба Прудникова, 20-летняя доярка, несмотря на свою грубую работу, выглядела всегда как артистка. Высокая, полногрудая, но при этом с длинными тонкими стройными ногами, она привлекала внимание всего мужского населения Вязовки. Или даже двух Вязовок: Нижней и Верхней, разделявшийся небольшой речкой (тоже, кстати, Вязовкой), но соединявшимися недавно построенным бетонным мостом.

Люба, как и мост, тоже соединяла мужчин, но, в основном, для драки. Потеряв надежду выйти замуж за Ванеева, нынешнего директора вязовской птицефабрики, она просто пошла по рукам. И вот насколько ее любили местные мужчины, которым она редко когда откадывала в своей благосклонности, настолько ее ненавидели женщины. Ревность, помноженная на зависть этой природной, данным ей Богом красоте, оказалась страшной силой. Никто из женщин не хотел работать с Любкой. Куда бы она ни устроилась, ее всячески пытались вытеснить, а то и просто говорили прямо в лицо: уходи, мол, ко двору не пришлась. И только на молочной ферме, где всегда не хватало практически дармовых рабочих рук, Любка и задержалась. Но работала не напрягаясь, то и дело отлучаясь то в магазин, то домой, а то и в поле или лес...

Андрей снова постучал, а потом, не выдержав, стал сильно колотить железной скобой по замку, да так, что слышала вся Вязовка. И только после этого послышались слабые шаги, дверь открылась и он увидел на пороге заspanную, розовую ото сна Любу. Джинсы, мятый белый свитер, копна спутанных волос и черные, с тяжелыми веками глаза...

– Ты чего не открывала?

Она как-то странно посмотрела на него.

– Сейчас ночь или утро, я что-то не пойму? – При всей порочности Любы, она, гуляя с мужиками, никогда не пила и не курила. Женственности в ней было в достатке. Поэтому Андрей удивился, услышав такой вопрос. – Ты чего молчишь-то? Не видишь разве, заспала я все... ничего не помню...

– Может, пустишь в дом?

– Пущу, конечно... – она отстранилась, пропуская его, но отступив назад, вдруг почувствовала, что ноги ее не держат. Больше того, они дрожали, так, как если бы она целые сутки полола капустные грядки или картошку. – Где же это я так натрудилась?

– Ты сегодня какая-то странная, словно и не рада мне... – Андрей, который на свидание вырядился в новый адидасовский костюм китайского производства, прошел в комнату, где Люба, обычно, перед тем, как лечь с ним, поила чаем или угощала чем-нибудь вкусным. – Ты, случаем, не выпила?

– Я же не пью... Проходи, Андрюша...

Она села за стол, подвинула к себе сахарницу и снова как-то странно посмотрела на Андрея.

– Знаешь, по мне словно ходили... Все тело болит... Ноги дрожат... Может, я заболела? – но, сказав это, она поняла, что это болезненное состояние граничит у нее с верхом блаженства: так обычно она чувствовала себя после близости с Ваневым. Только он, Сергей Николаевич, мог так утешить ее, так усладить... Андрей был тоже ничего в постели, но какой-то торопливый, нервный и постоянно задавал ей дурацкие вопросы, на которые ей не хотелось отвечать.

– У тебя такое лицо, словно ты только что... Словом, как в анекдоте... Лимон у тебя есть?

– А при чем здесь лимон? – не поняла Люба, усмехнулась, потягиваясь всем своим долгим и гибким телом.

– Откуси лимону, может, не такое блаженное лицо будет...

– Андрюша, давай я тебе лучше чаю согрею... – она встала, но поняла, что далеко не уйдет: у нее горели пятки, икры, бедра... Она никак не могла понять, что с ней происходит...

Поэтому, когда Андрей начал раздевать ее, она впервые за всю свою жизнь, оттолкнула его от себя, как не отталкивала еще ни одного мужчину.

– Я не могу... У меня такое впечатление, словно я весь день только этим и занималась...

Он сжал кулаки: такой наглости от этой потаскухи, которая на этот вечер должна была принадлежать только ему, он не ожидал. Он кинулся на нее и начал срывать одежду. Но стоило ему содрать с нее сорочку и чулки, как он увидел на ее теле ссадины и царапины, синяки и непонятные розовые пятна... Грязно выругавшись и понимая, что его обошли, что кто-то успел побывать с этой женщиной раньше него, он выбежал из дома, одеваясь на ходу, и прямо с крыльца бросился лицом в холодный, обжигающий снег.

Глава 3

Путешествие в Вязовку

Наталия впорхнула в кабинет Логинова с улыбкой на губах. Она знала, что то известие, которое она ему принесла, огорчит его, но решение уже было принято, и Люся ждала ее в машине у ворот прокуратуры...

– У меня хорошие новости, – она подошла к нему сзади и обняла за шею. – Бланш взяла Люсю в школу, а я нашла ей хорошую квартиру неподалеку от нас...

– Ты уверена, что из-за таких пустяков, как устройство твоих многочисленных подруг, меня можно отвлекать от дела? – у него было довольно благодушное настроение, но Наталия поняла скрытый намек. – Так что еще?

– Тебе понравилось, как мы отметили Новый Год?

– Конечно...

– И маскарад, и фейерверк, и мое платье с блестками, и елка и норвежский свитер с орнаментом из синих оленей? Скажи, понравилось?

– Понравилось, а в чем, собственно, дело?

– А в том, что пора тебе, Игорь, от меня отдохнуть. Я уезжаю. Вместе с Люсей.

– Куда? Ты что это придумала? – Логинов тотчас оторвался от своих бумаг, в которых вот уже несколько минут пытался уловить хоть какой-то смысл. Вот уж чего он не ожидал, так только этого. Не хватало еще, чтобы эта подружка Люся похитила у него Наталию.

– Я сейчас позвоню и тебя не выпустят...

– Звони. Но я все равно уеду.

– Куда?

– В Вязовку.

– И что ты там будешь делать?

– Ничего. Там на месяц освободиться большой деревенский дом какой-то польской учительницы Зоси, которая уезжает по делам в Москву... Кажется, ей причитается какое-то наследство. Вот я в нем и поживу.

– А как же я?

– А ты работай. Город без тебя просто утонет в крови. Не сердись, но я знала, что ты все равно не сможешь вырваться... Скажи, что не злишься на меня, тогда я поеду...

Он посмотрел в ее светлые глаза и в который уже раз понял, что эта женщина никогда не будет принадлежать ему полностью. Она, похоже, всегда будет принадлежать только себе. И с этим надо либо мириться, либо расставаться... Другого не дано. Но тут же представив себе всю ту безысходность и тоску, которые охватят его сегодня же вечером, когда он вернется домой и обнаружит на кухне только Соню, он понял, что уже не может без Наталии. Но сказать ей об этом вслух, вот так неожиданно, здесь, в этом кабинете, в этих казенных стенах, пропитанных миазмами преступлений и лжи, было не в его духе. Он мог бы, положим, признаться ей в своей любви дома, в минуту нежности, когда они оставались наедине и принадлежали только друг другу... Но почему он этого не сделал? Почему не сказал?

– Хорошо, я на тебя не злюсь... Но хотя бы скажи свой точный адрес, ведь в нашей области пять Вязовок...

– Я не знаю... Но как только доберусь, так обязательно позвоню... – она склонилась над ним и, обняв, прижалась к нему тесно, словно для того, чтобы он запомнил и тепло ее тела, и мягкость и аромат его. А потом поцеловала Логинова в губы и, помахав ему на пороге рукой, так же легко, как и впорхнула, выпорхнула из кабинета.

Они ехали четыре часа по заснеженной трассе. Люся, панически боявшаяся гололедицы, несколько раз спросила, есть ли на колесах машины «шпы».

– Есть, не бойся. – Наталия уверенно вела свой красный

«форд», развивая скорость, и радовалась предстоящим переменам в своей жизни. На железнодорожном переезде ее должен был ждать Валентин. Но об этом не знала еще ни одна живая душа.

Они условились провести недельку в деревне, чтобы отдохнуть от городской суеты и шума, чтобы попить деревенского молока, поесть жирных и вредных для организма деревенских деликатесов вроде копченого сала и кислой капусты, вареников с творогом и толстых, сочащихся маслом, ноздрястых блинов... Наталия еще не знала, как воспримет ее любовника Люся, которая после двух недель, проведенных в обществе Логинова, просто боготворила его, и чувствовалось, что она чрезмерно его заидеализировала. Хотя, после всего того, что Наталия сделала для нее, Люся должна бы воспринять Валентина как можно спокойнее, хотя бы из благодарности к Наталии. Во-первых, она приодела ее, во-вторых, КУПИЛА ей квартиру (хотя и сказала, что сняла), в-третьих, нашла ей работу теоретика в музыкальной школе на полторы ставки... Правда, надо отдать должное Люсе: она изо всех сил отказывалась принимать все это, поскольку была хорошо воспитана и не хотела чувствовать себя обязанной, пусть даже и лучшей своей подруге. И вот тогда пришлось признаться в том, что деньги достались Наталии не от продажи ценных бумаг (иначе бы Люся ни за что не согласилась принять такие щедрые подарки), а от выгодной перепродажи картин Лотара. «Люсенька, это деньги, упавшие мне с неба... Раз деньги легко достались, значит, и расставаться с ними нужно легко...»

Увидев тронувшуюся с места черную «волгу», которая поджидала появления красного «форда» у самого шлагбаума.

– Ты видела черную «волгу», которая никак не может нас

обогнать? – спросила Люся, когда они проехали уже приличное расстояние, и внимательный человек уже давно бы заметил «хвост».

– Люся, этот человек едет за нами не случайно... Его зовут Валентин. Он будет жить со мной там, в том доме, о котором ты мне сказала... Думаю, что ты не будешь возражать? Ты извини, что мне пришлось поставить тебя уже перед фактом, но я боялась, что ты начнешь презирать меня и это как-то отразится на твоём ко мне отношении... А у нас было много проблем, которые надо было решать со светлой головой... Кроме того, ты бы извела меня упреками... Ну, что скажешь?

Люся долгое время молчала, но потом все же сказала:

– Если честно, то я шокирована. Мне трудно тебя понять.

Ведь ты живешь с Игорем, он тебе нравится, больше того, я поняла, что вы любите друг друга, тогда зачем же еще один мужчина?

– Понимаешь, он совсем другой. Он постарше, поспокойнее и мудрее. Кроме того, он красив совершенно другой красотой... И умен.

– А Логинов?

– Игорь тоже очень умный, у него масса достоинств. Но мне нужны они оба. Это мой образ жизни, и я не заставляю никого принимать его... Больше того, я не обижусь, если ты мне сейчас откажешь в том, чтобы мы жили с ним у Зоси.

– Да нет же, об этом и речи быть не может. Я обещаю тебе, что постараюсь понять тебя. Кроме того, ведь мне же понадобится помощь... – и она, к великому облегчению Наталии, даже улыбнулась.

– Спасибо, – горячая ладонь Наталии легла на руку Люси. – Поверь, мы весело проведем время... И тебя соберем, и отдохнем заодно...

У поворота в деревню остановились. Валентин вышел из машины и подошел к Наталии, которая тоже вышла из машины и теперь в нетерпении притоптывала на месте... Люся, увидев высокого худощавого мужчину в черной длинной дубленке, красивого, но совершенно седого, с ироничной и даже слегка презрительной усмешкой, покраснела. Она не ожидала, что Валентин, о котором рассказала ей Наталия, окажется настолько элегантным и по-настоящему красивым. Она обещала понять Наталию, что ж, теперь, когда она увидела Валентина, это совсем нетрудно.

– Познакомьтесь: Валентин – Людмила. Вы уже друг о друге наслышаны, поэтому, не теряя времени на церемонии, давайте сразу определимся...

Но она не успела договорить, потому что прямо рядом с ними остановились желтые «жигули», из окна которых высунулось широкое красное лицо усатого мужчины, который, обращаясь в первую очередь к стоящей на обочине дороги Люсе, сказал сиплым голосом:

– Хорошо, что приехала. Как раз на похороны успеешь...

– На какие еще похороны? – перепугалась и побледнела Люся.

– Ванеева Лариса умерла...

– Как это?... От чего? Когда?

– Да ты поезжай к ним, все и узнаешь...

И желтый жигуленок, подпрыгивая на ухабах, свернул на проселочную дорогу и затерялся в снежном далеке.

– Кто такая Лариса Ванеева? – спросила Наталия. – Да у вас тут не соскучишься...

– Это жена директора птицефабрики. Ей всего-то двадцать пять лет. Что с ней могло случиться?

– Поехали, посмотрим... Валя, или лучше сделаем так... Сейчас нас Люся поселит в Зосином доме, и ты делай там что хочешь, а мы сходим на похороны, идет? – И, обратившись к Люсе, – он неразговорчивый, поэтому имей это в виду...

Они въехали в Вязовку и остановились возле большого, красного кирпича, дома, аккуратного, огороженного прозрачной сеткой-рабицей, за которой виднелся уснувший на зиму белый сад и крыльцо дома, высокое, добротное, возле которого в будке виднелась мощная голова раскормленной немецкой овчарки.

– Вот это голова, представляю, какой конь, а не пес... – Наталия дождалась, пока Люся откроет ворота, заехала во двор, почти упершись в летнюю кухню и давая возможность заехать Валентину.

Люся отперла дверь дома и помогла Наталии занести вещи.

– У нее что, и ванна есть?

– Да. У Зоси хорошо... Ее покойный муж обустроил ей все так, что ничуть не хуже, чем в городской квартире.

Поставив чемодан и сумки на пороге, Наталия пошла осматривать дом. Пять больших комнат с самодельной простой мебелью, паркет, ковры... Не таким она представляла себе дом сельской учительницы.

– Да здесь целые хоромы... Ты мне только объясни-ка еще раз, какое отношение ты имеешь к этой Зосе, и я оставлю тебя в покое...

– Я ее близкая подруга. Она доверяет мне, как себе. Вот и все. Поэтому можете чувствовать себя здесь спокойно. Она не вернется еще месяц, а то, может, и больше... Говорю же, ей прислали письмо из Польши, вроде там кто-то из ее родных умер... Я почему так туманно все объясняю, потому что и сама Зося Вольдемаровна так и не поняла, кто именно оставил ей наследство... Но ей, кроме письма выслали еще и деньги в долларах на дорогу.

– Я так думаю, что если у нее там дела заладятся, то она ведь может и совсем сюда не вернуться... Ты бы позвонила ей и спросила... Валя! Сходи в ванную и посмотри, как работает

система водоснабжения... Потому что, если понадобится включать электронагревательный котел, то включить его надо будет заранее, чтобы к вечеру была горячая вода...

– Я позвонила... – вдруг сказала Люся и глаза ее заблестели. – От тебя же, из твоей же квартиры и позвонила... Ты не помнишь разве, какой большой счет пришел за телефон?

– Нет, не помню... Я же с Фальком разговариваю, поэтому меня трудно удивить большими цифрами, а Фальк живет в Париже...

– Это тот самый, который занимается продажей твоих картин?

– Не столько моих, сколько Лотара. Ну и что тебе сказала Зося?

– Она сказала... Ты только не падай... Что она будет оформлять этот дом на меня...

– Слава тебе, Господи, раскололась. А то я все никак не могла понять, с какой стати мы будем здесь хозяйничать, на каких правах и все такое прочее... Я рада за тебя...

– Я тоже, но это еще только разговоры... Кроме того, без

Зоси здесь вообще будет скука страшная... Словом, я хочу, чтобы ты знала: я не переделаю уехать в город. Даже не смотря на то, что у меня здесь будет такой дом. Я его продам, а деньги верну тебе...

– Какие еще деньги? – насторожилась Наталия, все время разговора занимаясь тем, что переодевала свитер. – Я не понимаю...

– Я знаю, что ты ТУ квартиру КУПИЛА. Я тебе, конечно, благодарна невозможно как, но деньги за нее все равно верну... Ты меня знаешь...

Наталия рассмеялась: Люся оставалась верна своим принципам. «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке», – любила повторять она, сколько Наталия ее помнила.

– Ладно... Мы с тобой куда-то, кажется, собирались?

Из ванной вернулся Валентин:

– Хороший дом, все сработано с умом, добротное... Приятно находиться там, где все сделано с любовью... Мне даже стыдно стало за то, что я, уже в таком возрасте, а ничего такого, фундаментального что ли, не сделал...

– Ты сделал дочь, а этого вполне достаточно... Люся, если бы ты слышала, как поет его Валентина... Кстати о музыке, я видела в дальней комнате пианино...

Говоря об этом, Наталия почувствовала некоторое волнение, связанное с тем, что в последнее время ее видения стали все реже, и она стала опасаться того, что постепенно лишается своего дара. Находясь в этом доме, в полной тишине и гармонии с собой, она надеялась на чудо...

– Ну что, мы идем на похороны или нет? – спросила она, после некоторого раздумия.

– Идите, а я отдохну, может, подружусь с собакой... Кстати, а кто же его кормил, пока тебя не было? – обратился он к Люсе.

– Соседка Лида. У нее вы будете брать молоко и грибы, если захотите... У нее всегда есть и то и другое на продажу...

– А как зовут собаку?

– Джек.

Глава 4

Деревенские похороны

Народ столпился возле калитки, ведущей к дому директора птицефабрики Ванеева. Люди стояли и у крыльца, и на ступенях... Женщины плакали и тихонько перешептывались. Увидев приближающихся Люсю с Наталией, стихли, переключив свое внимание на них:

– Людмила Михайловна... несчастье-то какое... Лариса умерла.

– А что с ней? – Люся уверенно поднялась на крыльцо и внимательно посмотрела на окружающих ее женщин. – Почему вы все молчите?

Наконец одна из женщин, что постарше, в красном шерстяном платке и белом длинном, с мужского плеча, полушубке, сказала:

– А никто ничего не знает... Вроде сердце... Ее уже мертвую нашли на ферме... Она совсем немного до дома не дошла, а откуда шла, никто не знает... Надька ее нашла первая, говорит, что Лариса была очень странно одета, почти раздета, вернее... Ступни все истерты до кровавых мозолей, ладони отбиты, волосы растрепаны... Ну и снасились над ней...

Наталия молча прислушивалась к говорящей. Истертые ступни удивили ее больше всего.

– Ты пойдешь со мной? – спросила, обернувшись и взглянув с каким-то животным страхом в глаза, Люся. – Пойдешь посмотреть Ларису?

– Пойду.

– А ты не боишься?

Наталия усмехнулась. После посещений морга деревенские похороны могли ей показаться детским спектаклем. И все же, во всей этой атмосфере с одетыми в черное женщинами, белым снегом и той тайной, которая окружала теперь дом Ванеевых, ощущалось нечто страшное, источавшее смертельную опасность. Ведь всех мучал один и тот же вопрос: «КТО ЭТО СДЕЛАЛ?» За что убили молодую Ларису Ванееву? Кто изнасиловал жену директора птицефабрики? Виновата ли она в этом сама, либо насилие не было ею спровоцировано?..

Они вошли в дом, миновали просторные сени, кухню, забитую молчаливыми людьми со скорбными лицами и их впустили в большую комнату, в которой, кроме вдовца (достаточно молодого еще мужчины, лет сорока – сорока пяти, во всем черном и красными, воспаленными веками от выплаканных слез и бессонных ночей) никого не было, и стоял только гроб, обитый белым атласом, в котором лежала молодая женщина в пене кружев и букетом белых слегка подвядших роз в ногах... Лицо ее было бледным с большими сиреневыми кругами под глазами. Коричневые губы, прямой, сливочного цвета нос и рыжеватые, уложенные волнами вокруг маленькой головы, волосы.

Ванеев, увидев Люду, словно очнулся. Встал и подошел к ней:

– Как хорошо, что вы приехали... Я думал, что вы не проститесь с ней... Она вас очень любила и мечтала поскорее выучиться играть...

Наталия перехватила Люсин взгляд: она была более, чем удивлена словами Ванеева.

– Сергей николаевич, примите мои самые еглубокие соболезнования... – сказала Люся и позволила себя обнять.

На глазах ее появились слезы.

А Ванеев, обнявшись, вдруг направился к выходу. Увлекая за собой Люсю, он сазал кому-то из присутствующих: «Ну все, пора...»

А Наталия, видя, как люди все разом, как-то слаженно и тихо двинулись тоже на выход, задержалась и даже прикрыла дверь... Когда же щелкнул замок, она даже успокоилась: у нее было минут пять, не больше, чтобы побыть наедине с покойницей и посмотреть, что же такое с ее ступнями.

Быстро откинув кружевное белоснежное покрывало, она подняла подол светло-серого шерстяного платья, в которое была одета Ванеева, и сняв с одной ноги тесные черные лаковые туфли-лодочки, ногтями разорвала чулок на пятке и взглянула на нее, белую и холодную на ощупь. Странные синие пятна, в нескольких местах стертая, до сукровицы, кожа на пятках... Приведя в порядок ноги и тщательно их обследовав, она успела осмотреть только бедра (тоже в некоторых местах с почерневшими синяками, какие остаются от грубых прикосновений пальцев) и шею с черно-желтыми пятнами, почти скрытых кружевом покрывала. Сунув руку ей под платье и нащупав тонкое белье, она определила, что вскрытия не проводилось.

В это время в дверь постучали. Она стояла возле гроба и ждала, что кто-нибудь откроет дверь, словно не понимала, что открыть-то можно и изнутри.

Наконец, дверь открылась, вбежал Ванеев:

– Извините, дверь, наверно, захлопнулась от сквозняка... Вы перепугались?

– Да, – сказала Наталия. – Немного...

Она вышла на улицу и к ней подбежала встревоженная Люся.

– Господи, Наталя, ты же белая как снег... Говорт, дверь захлопнулась?

– Да ничего страшного... Ты поедешь на кладбище?

– Конечно.

– А что это Ванеев так себя повел... Ты мне не рассказывала, что у тебя с его семьей были какие-то отношения...

– Да я и сама ничего не поняла... Просто я пару месяцев учила Ларису играть на пианино, а потом у нее дело не пошло и она отказалась... Вот он, наверно, и вспомнил... В такие минуты что только не вспомнишь... Но это ужасно... Ты не пойдешь с нами?

– Пойду... Хочу посмотреть все до конца.

Но уже через два часа, когда процессия остановилась возле могилы и стали произносить речи, Наталия поняла, что она переоценила себя: ей стало холодно. Она согласилась пойти на кладбище лишь для того, чтобы посмотреть на жителей

Вязовки, которых собралось здесь, на этом месте, горе, чтобы понять, где и с кем жила здесь Люся. Кроме того, она надеялась увидеть кого-то, кто мог бы иметь хотя бы косвенное отношение к убийству Ванеевой. А то, что ее убили, она уже нисколько не сомневалась. «Да, возможно, у нее и разорвалось сердце, но ведь кто-то постарался, чтобы это случилось...»

На всю деревню всего несколько интеллигентных лиц (Люся назвала всех по именам): три учительницы, один учитель, местный врач с женой, приезжий зубной техник, заместитель Ванеева, да директор молочной фермы. Они и одеты были прилично, и трезвы, не в пример остальным.

– Скажи, а почему ей не сделали вскрытие? У вас что, это не принято?

Люся только пожала плечами:

– Да вроде бы у нас все умирали естественной смертью...

– Это как же? Ты сама рассказывала про медсестру, которую нашли в лесу, зарытой в земле... И еще двоих выловили в пруду. Это, по-твоему, естественная смерть?

– А ты запомнила?

– Уж не знаю почему, но такие вещи впитываются в память, как в губку... Ну что, _юдмила, пошли отсюда... Слишком уж здесь все заунывно и театрально... Люди же сюда из чистого любопытства пришли. Если и плачет кто-то, так это только старухи, потому что самим помирать скоро, а не хочется... Пойдем. Жизнь продолжается. Но если ты хочешь остаться и дожидаться поминок, которые, насколько мне известно, нередко переходят в танцы до упаду и веселую попойку, то флаг тебе в руки...

Люся усмехнулась: Наталия была права. Только откуда она все так хорошо знает?

И все-таки ей было приятно, что здесь, на окраине земли, называемой Вязовкой, появилась светлая личность, такая как Наталия. От нее исходила добрая и светлая энергия.

– Если хочешь, я покажу тебе свою квартиру, – предложила Люся, стряхивая с себя оцепенение, вызванное похоронным настроением всей деревни. – Хотя, если честно, мне туда не хочется... Там, кроме кровати, шкафа, колченогих стульев да телевизора ничего нет. Только тоска, которая въелась в стены...

– Не хочешь, и не надо. Пойдем к Валентину. Он наверняка ждет нас. Согрел воды и ждет – не дождется, когда мы вернемся.

– А он кто, тоже прокурор?

– Нет, он жестянщик. Машины ремонтирует. Я его и зову: Жестянщик. Хотя в прошлом он физик и очень талантливый... Но об этом я тебе как-нибудь в другой раз расскажу...

После ужина и, чуть позже, горячей ванны, пользуясь тем, что Люся увлеченно слушала Валентина, который рассказывал ей что-то из истории русских и татарских захоронений (о том, что Валентин прекрасный рассказчик, Наталия и не подозревала), она уединилась в дальней комнате и, испытывая легкую и приятную дрожь во всем теле, как перед объятиями с любимым мужчиной, села за старенькое пианино. Открыла крышку и погладила пальцами тусклые желтоватые клавиши. Затем пробежала по ним, добравшись до самого верхнего регистра и застыла, мягко выбивая звонкую трель... Левая рука, уловив гармонию, слегка приземлила улетающую ввысь мелодию, появился какой-то необыкновенный ритм, от чего мелодия несколько исказилась, наполнилась нервными интонациями, которые очень скоро вылились в какой-то совершенно необузданный, искрометный танец...

Сначала ей показалось, что она видит лепестки огромного красного цветка, похожего на мак. Но потом, когда видение стало четче, она поняла, что это никакой не цветок, а оборки красной, тонкого шелка, юбки, которая то развевалась веером, обнажая стройные загорелые ноги танцовщицы, то собиралась в бутон, делая цвет юбки насыщеннее и темнее, как оттенок венозной крови... Девушка танцевала самозабвенно, но только Наталии никак не удавалось увидеть ее лица... Зато она почувствовала аромат, его нельзя было спутать ни с чем: апельсин. Пахло апельсинами, апельсиновым маслом, чем-то еще душистым, теплым, как, должно быть, пахнет в душный зной апельсиновая роща где-нибудь в Италии...

От этого танца, от музыки, которая звучала в ушах и мешала сосредоточиться для того, чтобы понять, совпадает ли она с той музыкой, которую она играет на пианино, у Наталии закружилась голова. Ей стало необыкновенно весело, словно она выпила не меньше половины бутылки шампанского...

Когда она бросила играть, сразу стало нестерпимо тихо. До ломоты в ушах. И только приглушенный голос Валентина доносился из-за стены.

Пальцы горели... А в комнате пахло апельсином.

Когда она вышла из комнаты и спросила, слышали ли они то, что она играла, ни Валентин, ни Люся ничего толком не могли ей ответить. Она сделала из этого вывод: либо они были настолько увлечены беседой, что ничего не слышали (но как такое возможно?! ведь у нее пальцы горят от того, что она с силой ударяла по клавишам!) либо ЕЕ СЛЫШАЛИ ТАМ, по ту сторону апельсиновой рощи.

Единственно, что заметила Люся, поворачиваясь в сторону вошедшей Наталии, что от нее «пахнет лимоном или апельсином». Не заметила эта парочка и того блеска в глазах, который появился у Наталии при мысли о том, что к ней как будто бы возвращается ее дар. Но только как теперь найти что-то общее между теми мыслями, которые волновали ее сознание, с той девушкой, лихо отплясывающей – кажется – тарантеллу?

Когда Валентин вышел, чтобы покормить Джека, Наталия спросила Люсю напрямик:

– У тебя действительно нет никакого парня, который мог бы тебе поставить засосы?

Люся от неожиданности покраснела.

– Пойми, я спрашиваю тебя не из праздного любопытства (а хоть бы и так?) ... Просто у меня из головы не идут твои кровоподтеки и все то, что происходит в вашей Вязовке... Ну не вампиры же здесь, четское слово, завелись... Да и Ванеева убита при очень странных обстоятельствах... У кого я, кстати, могу навести справки о том, что с ней произошло? У участкового милиционера-коррупционера?

– Его почти невозможно заставить... Он постоянно в разъездах: то поросенка у кого-нибудь украдут, то муж избьет жену до полусмерти, то дети сарай подожгут...

– А как ты думаешь, Ванеев заинтересован в том, чтобы нашли убийцу его жены?

– Но почему ты решила, что ее убили? Потому что наших женщин наслушалась? Да здесь сплетни из воздуха рождаются... Им нельзя верить.

– Тогда надо поговорить с Ванеевым...

– Да это еще зачем? Наташа, я тебя не понимаю. Неужели ты хочешь САМА поговорить с Ванеевым? А как ты объяснишь ему, зачем тебе это все нужно?

– А вот как, – Наташа достала из сумки свое удостоверение общественного помощника следователя и показала Люсе.

– Ты это серьезно? Ты – общественный помощник следователя?

– Как видишь. Я помогаю Логинову... – ей не хотелось рассказывать впечатлительной Люсе о своем даре, хотя поначалу она едва сдерживала себя, чтобы не рассказать ей о картинах Лотара, о Рафе, о Ядове и Хрустальной... Она бы все равно не поверила. «Реалистка.»

– Смотри сама, конечно... А что касается твоего первого вопроса, то отвечаю: никакого парня, который мог бы поставить мне засосы, у меня нет. Это честно. Хотя я бы не прочь...

– А тебе понравился Валентин?

– О, да... Здесь я тебе ничего не могу сказать. Не мужчина – сказка. Как тебе удастся удержать при себе таких... даже язык не поворачивается сказать «мужиков». Нет, это в том-то и дело, что не мужикиб а настоящие мужчины. Только откровенность за откровенность: они знают о существовании друг друга?

– ЗНАЛИ. В прошедшем времени. Логинов даже застал меня в Москве с Валентином. И после того раза я рассталась с ними обоими на целых полгода. Никого не хотела видеть. А потом все постепенно вернулось на свои места. Валентин-то, разумеется, знает о том, что я живу с Игорем, но вот знает ли Игорь о том, что я продолжаю встречаться с Валентином, это для меня остается загадкой. Мне кажется, что он даже боится об этом думать.

– А что будет, если он приедет сюда и увидит вас вместе?

– Я скажу, что Валентин – теперь твой любовник... – рассмеялась Наталия. – Шутка...

– Ты опасная женщина, Наташа... Но мне пора... Вы проводите меня?

– Валя тебя проводит... До завтра, хорошо? Утром пойдем к тебе и начнем складывать твои вещи... До обеда, а потом развлечения... И мне кажется, что я знаю, какие... Ты когда-нибудь ела суп из голубей?

Глава 5

Босиком по снегу

Они занимались любовью прямо на полу, на толстом шерстяном домотканном ковре.

За окнами плавилась черно-фиолетовая ночь, трещали поленья в камине, который Валентин затопил, стоило только уйти Люсе.

Закрыв глаза и полностью отдаваясь своему Жестянщику, Наталия снова и снова представляла себе веселую танцовщицу в красной развевающейся юбке, и от этой живой картинки, наслаивающейся на реальные, физические ощущения и то блаженство, которое они приносили, ей становилось нестерпимо хорошо.

Когда он отпустил ее, она услышала: «Первый раз слышу, как ты поешь в такие минуты...»

Но она его не поняла. Повернув к нему свое лицо, она, откинув со лба влажную прядь волос, посмотрела на него как сквозь туман, и что-то проговорила, простонала и улыбнулась. Но потом словно очнулась: «разве я пела?» «Пела.» «Значит, мне было хорошо.»

Она уснула у него на плече, но потом проснулась, села на постели и поняла, что сон пропал. Она была бодра как никогда, в то время, как Валентин крепко спал. Она встала, оделась, взглянула на часы: без пяти минут три; и вышла во двор. Джек никак не отреагировал на ее присутствие, было слышно лишь, как звякнула цепь где-то внутри будки.

Наталия, еще не привыкшая к такой первозданной тишине, некоторое время постояла на крыльце, прислушиваясь к шорохам и звукам, которых почти не было. А потом ей показалось, что она сходит с ума: где-то далеко-далеко звучала едва различимая музыка, очень похожая на ту, которая преследовала ее весь вечер, начиная с того момента, как она села играть на пианино.

Скрипнув калиткой, Наталия вышла на улицу. Ни одного фонаря. Одна ночь, одна темнота. И почему-то никакого страха.

И она пошла на звук. По дороге не увидела ни одного светящегося окна. Единственным источником света в ту ночь

была луна.

Музыка стихла, и Наталия сразу же потеряла ориентир. Зато ее сменили другие звуки: кто-то бежал по скрипучему снегу... Она заметила приближающуюся к ней фигурку и, чтобы раньше времени не встречаться ни с кем и не вызвать подозрений, а заодно проследить за человеком, которому, как и ей, не спится в эту лунную ночь, Наталия забежала за круглое, как снежный шар, дерево и замерла.

Это была девушка. Но в отличие от Наталии она была в одной юбке и расстегнутой светлой блузке... Но самое удивительное, что она бежала босиком по снегу, держа в руках сапожки... Девушка с развевающимися волосами и широко раскрытыми глазами (она на мгновение оказалась настолько близко к Наталии, что можно было даже пересчитать пуговицы на ее блузке) бежала неестественно быстро, но чувствовалось, что она знала, куда бежать. В таком виде бежать босой по снегу можно было только либо в состоянии сильного алкогольного опьянения, либо находясь в лунатическом трансе.

Для того, чтобы выяснить, кого же именно она встретила, Наталия решила проследить весь ее путь. Она вышла из-за дерева и, к счастью, успела заметить, в какой именно дом забежала эта несчастная. «Надо будет завтра спросить у Люси...»

Но потом ей в голову пришла еще одна, не менее, на ее взгляд, своевременная мысль: пойти по следам девушки, чтобы узнать, ОТКУДА она бежала в таком состоянии. А может, она по дороге как раз и растеряла свои теплые вещи?..

И она пошла по следу. Но на перекрестке двух дорог ее следы смешались с таким количеством следов, словно здесь совсем недавно собралась целая толпа людей, которые и вытоптали снег в радиусе примерно пяти метров, а дальше цепочка самых разных следов расходилась по всем четырем направлениям, включая и то, откуда пришла Наталия. И была невозможно определить, где следы этой девушки, а где остальные. Все смешалось и запуталось. Музыка, как решила Наталия, ей, наверно, показалась. Кругом было тихо и темно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.